

Глава 7. Запретное искусство

Туда ехал в кресле, обратно — на носилках. Юй Уцюэ взгрили так, что всякая спесь с него мигом слетела. Теперь он покорно сносил все хлопоты марионеток и даже стонать перестал.

Пусть он и лишился половины жизни, по сравнению с казематами Обители Безмерности эта трепка казалась сущим пустяком. Только теперь Юй Уцюэ до конца понял, почему бабушка Гуань Ся умыла руки и велела ему безропотно сносить удары.

В мире заклинателей испокон веков хватало запретных техник. Одни были черны и коварны, другие сулили беды на сотни лет вперед. Стоило Обители Безмерности наложить на какую-то технику вето, как ее тайное изучение превращалось в тягчайшее преступление. Оступившемуся грозило в лучшем случае уничтожение духовного корня, в худшем — плаха. Если же дело касалось «Небесной кары» — высшей степени запрета, — провинившегося, к какому бы ордену он ни принадлежал, казнили прилюдно и с особой жестокостью, дабы неповадно было другим.

Бессмертный Тайвэй славился крутым нравом и беспощадностью, но, как оказалось, и ему не были чужды земные чувства. Не став раздувать скандал и докладывать наверх, он просто высек парня за закрытыми дверями. Чистой воды укrywательство, пусть и завернутое в суровую кару.

Осознав это, Уцюэ заметно присмирел, а злость на Хэ Бугуя почти полностью улетучилась. Теперь, пригрози ему наставник новой поркой, он бы и пикнуть не осмелился.

Одно лишь не давало ему покоя: с какой стати запретная магия такого полета вдруг явилась ему во сне? Да так отчетливо, что, едва очнувшись, он уже помнил все основы. Хэ Бугуй только и твердил, что о вреде подобных искусств, но даже не заикнулся об их происхождении. Что же делать, если завтра ему приснится очередное великое откровение? Учиться или нет?

Проигнорировать — глупо, локти кусать будет. Но если это вовсе не знамение небес, а чей-то злой умысел? Почему мишенью выбрали именно его, безродного Второго Пса?

"При первой же возможности припру Хэ Бугуя к стене и все выпытаю", — тоскливо решил Юй Уцюэ.

Увы, сейчас, когда свежие раны легли поверх старых ссадин, ему еще дня четыре, а то и пять не суждено было сползти с тюфяка.

— Ай-ай-ай!..

— Молодой господин, не вертитесь. Эту мазь принес Кунчжи, хозяин сам велел передать, — Сы осторожно, но крепко прижал его к постели и принялся обрабатывать раны. — Трижды в день мазать будете — и через пять дней на вас все как на собаке заживет.

Уткнувшись носом в подушку, Юй Уцюэ глухо пробурчал:

— Да куда мне спешить? Все равно ведь с горы ходу нет, пусть бы само затягивалось. А за такие дорогие притирки мне вовек не расплатиться.

Дверь скрипнула, являя на пороге Кунчжи в окружении целой вереницы марионеток-носильщиков. Поставив на столик дымящийся лечебный отвар, слуга приблизился, чтобы осмотреть ранения. Юй Уцюэ тут же вцепился в его рукав:

— Кунчжи, скажи честно, Бессмертный и впрямь наложил запрет на мой спуск?

— Не знаю, — покачал головой Кунчжи. — У хозяина свои резоны. Да и вам безопаснее находиться в Парящем дворце, уж поверьте. Кстати, это ваши пожитки, все до единой принесли.

Если утром марионетки приволокли лишь тазы для умывания да сменное белье, то к вечеру бабушка Гуань Ся, казалось, вознамерилась выслать внука со всеми потрохами. В комнату Юй Уцюэ перекочевали ящики с инструментами, шкатулки со всяким памятным хламом, затрепанные деревянные игрушки его детства и даже блюдо с недоеденными сушеными финиками.

Старушка прямо-таки кричала своими действиями: убирайся с глаз моих долой и не возвращайся.

Закончив с уборкой, Ся Сы со товарищи удалились по знаку Кунчжи. Тот присел у постели больного и заботливо подоткнул одеяло.

— Покои приведены в порядок. Ближайшие пять дней хозяин вас не потревожит, так что набирайтесь сил. Как срок выйдет, я за вами приду.

— По поводу того зверя... А-Куня. Могу я как-то загладить вину? Помочь с могилой, вытесать плиту или заупокойную отчитать?

Уцюэ распластался на животе, несчастный и беспомощный, но говорил от чистого сердца.

— Силу не рассчитал, сгубил бедолагу... А-Да ведь жива осталась? Может, можно как-то заслужить ее прощение? Иначе как быть с Горой Алого Золота?

Истинный человек Юнлэ утверждал, будто пробуждение Горы Алого Золота — беда первостепенной важности, но Хэ Бугуй, избивая его, даже не заикнулся об этом. Юй Уцюэ хоть и слыл сорванцом, но совесть имел и бросать сотворенный им же хаос на произвол судьбы не желал.

— Душа А-Куня не развеялась по ветру, так что полной гибелью это назвать нельзя.

Кунчжи поглядел на несчастного парня, который и пошевелиться-то толком не мог, но упорно переживал за судьбу чужих тварей. Сердце слуги дрогнуло, и он мягко добавил:

— Вы лежите, поправляйтесь. О Горе Алого Золота хозяин позаботится сам, не забивайте себе голову.

Впрочем, Кунчжи прав: будь Уцюэ хоть трижды здоров, вряд ли он смог бы усмирить разбушевавшуюся стихию. И все же чувство вины за доставленные Хэ Бугую хлопоты неприятно скребло душу.

Юй Уцюэ послушно кивнул и приготовился слушать дальше.

— Обломки ваших игрушек я велел принести назад. Поправитесь — делайте с ними что хотите. Если понадобятся инструменты или редкое дерево — только шепните. Уж чего-чего, а добра для починки марионеток в Парящем дворце навалом.

Уцюэ изумленно моргнул:

— Неужели Бессмертный Тайвэй не запретил мне ремесло? А он... когда осматривал то, что от них осталось, ничего не сказал?

— Господин сказал так: «Оба мы ценим красоту творений, к чему же губить чужой труд?» Вы создавали их сами, и он знает, что выбросить обломки у вас рука не поднимется.

Поистине, душу мастера способен понять лишь другой мастер.

Уцюэ заметно повеселел и поудобнее устроился на подушке:

— У меня будет еще одна просьба. Можно мне забрать те духовные ядра?

— Зачем они вам?

Юй Уцюэ сокрушенно вздохнул:

— Этих кроликов я сам вырастил. Одно поколение сменяло другое, я ухаживал за ними от рождения до самой смерти. Они так привязались ко Дворцу Небесного Предела, что не желали уходить за грань. Вот я и поместил их души в кукол, чтобы всегда носить с собой. Опасаюсь, как бы из-за невозможности переродиться они не обратились в мстительных призраков. Хочу сам помочь им очиститься от скверны.

Кунчжи на мгновение застыл с пустым взглядом, точь-в-точь как кукла с оборванными нитями. Спустя секунду его глаза вновь ожили, и он с легкой улыбкой кивнул:

— Хозяин дозволил. Сию минуту принесу.

— Передай мою нижайшую благодарность Бессмертному Тайвэю. Как только на ноги поднимусь, поклонюсь ему лично.

Юй Уцюэ со спокойной душой распластался на постели. Раз уж все обернулось так, он готов был покорно переждать немилость. Кунчжи, уже собираясь прикрыть за собой дверь, обернулся и негромко произнес:

— Редко чья работа удостоивается внимания нашего хозяина. Пусть ваши марионетки разбиты в щепки, но сделаны они на редкость искусно и с душой.

— В самом деле? Неужели Бессмертный Тайвэй... похвалил меня?

Юй Уцюэ, казалось, мигом забыл про избитую спину и готов был распустить павлиний хвост от гордости. Кунчжи лишь мягко улыбнулся:

— Ваш талант велик, молодой господин. Постарайтесь не растратить его впустую.

Парящий дворец

В главном зале Бессмертная Тайцин, Бай Шуцзин, с глухим стуком опустила ножны своего меча на столик и, закатав широкие рукава, принялась расставлять перед Хэ Бугуем тарелочки с лакомствами.

— Специально для тебя раздобыла, — ласково проговорила она. — Ну же, отведай.

Хэ Бугуй демонстративно отвернулся:

— Не хочу.

Но Бессмертный Тайбай, Бай Инчи, уже заботливо подносил лакомство прямо к его губам:

— Пастила из боярышника как раз разжигает аппетит. Ну же, открой рот, старший брат тебя покормит.

Бог весть, помыл ли брат руки перед этим, но Хэ Бугуй все же нехотя приоткрыл рот. Проглотив кисло-сладкую пастилу, он заметно смягчился.

Слухи о том, что хозяин Парящего дворца запер наглого юнца у себя и заporол едва ли не до смерти, мигom разлетелись по всему ордену. А уж когда старина Сюэ и Му Цинцзюнь добавили в эту историю красок, половина горы уверовала, будто бедный Юй Уцюэ уже предстал перед предками.

Бай Инчи отлично знал повадки названного брата. Будь Хэ Бугую действительно безразличен этот негодник, он бы взгрел его, стряхнул пыль с рукавов и забыл. С какой стати ему было лично вызывать лекарей и держать побитого юнца в собственном дворце, терзаясь нешуточным гневом?

Здесь явно крылось нечто куда более серьезное.

Едва до них дошли эти толки, Бай Инчи тут же увлек за собой сестру. Им нужно было не только выведать истинные причины суровости брата, но и поскорее сгладить его раздражение.

В одном они были единомышленны: душевное равновесие Хэ Бугуя важнее любых тайн вселенной, а значит, сердитого младшего нужно сперва ублажить.

— Сяо Си, погляди, какую диковинку я для тебя раздобыла.

Бай Шуцзин бережно извлекла из складок рукава отливающий золотом витой шнур и протянула Хэ Бугую, будто величайшую ценность.

— Это Золотая нить Восточного кургана. Купцы из Галереи Тысячи Журавлей с ног сбились, пытаюсь ее выкупить, да все без толку. А мне ее преподнес глава школы Лу из Павильона Динцзянь. До меня дошли слухи, будто ты закончил новую марионетку и как раз присматривал для нее достойное оружие. Эта нить ляжет как влитая.

Этот тип по фамилии Лу без конца осыпал Бай Шуцзин подарками, разве что на лбу не выжиг заветное: «Мечтаю взять в жены Бессмертную Тайцин». Хэ Бугуй этого ухажера на дух не переносил, а уж принимать от него подношения и вовсе брезговал.

— Убери, — даже не взглянув на золото, Хэ Бугуй отодвинул подарок. — Думаешь, я сам не ссучу такую нить, коли понадобится? И вообще, сестрица, ты снова зовешь меня детским именем.

— Виновата, каюсь, больше не буду, — покладисто согласилась Бай Шуцзин.

Перед посторонними Бессмертная Тайцин практически никогда не улыбалась. О ее суровости слагали легенды, а в грозности она порой превосходила самого Бай Инчи. Но с любимым

младшим братом вся ее броня осыпалась прахом, уступая место чистой, почти материнской нежности.

— Я за весь день маковой росинки во рту не держала, а как прослышала, что ты не в духе, сразу все дела бросила. Кто тебя так расстроил? Скажи только слово, я из него всю душу вытрясу.

Вся эта ярость предназначалась исключительно для чужих глаз, и Хэ Бугую было неохота пускаться в объяснения. Вид у него действительно был хмурый, но не от злости, а от глубокой тревоги, которую в нем пробудила выходка Юй Уцюэ.

Зацепок пока не нашлось, расследование топталось на месте, и делиться подозрениями Хэ Бугуй не спешил. Эта озабоченность со стороны выглядела как глухой гнев, но если посторонние обманулись — туда им и дорога, но почему названные брат и сестра крутятся вокруг него с таким виноватым видом, будто боятся нечаянно наступить на хвост спящему тигру?

Хэ Бугуй не выдержал:

— Да говорите вы уже прямо про своего Юй Уцюэ! Только сразу предупреждаю: отпускать его я не намерен.

— Полно тебе, братец. Виновен — понес кару, дело житейское. Раз уж ты его проучил, может, сменишь гнев на милость? — мягко проговорил Бай Инчи. — Он ведь как-никак единственный внук Гуань Ся. Старушка изведется вся, если парня замучить до полусмерти. Ты же сам к ней со всей душой относишься, неужели сердце не болит?

Бай Шуцзин поддакнула:

— Если тебе так дорог тот несчастный зверь кунда, я тебе другого раздобуду. И самца выслежу, и самочку, идет?

Бай Инчи закивал:

— Да и про Гору Алого Золота мы знаем. Не терзайся, я сам во всем разберусь и найду выход.

Нянчились с ним, как с малым дитятей, да все мимо цели.

Хэ Бугуй обреченно вздохнул:

— Оставьте Гору Алого Золота в покое, я уже занимаюсь этим. А-Куня предали земле, его подругу я сам успокою. Но Юй Уцюэ совершил такое, из-за чего ему путь с горы заказан. Если

кто-то из посторонних сунет нос не в свое дело — отвечайте в точности так, как я объявил.

Бай Инчи примолк, всматриваясь в лицо брата, и вдруг спросил изменившимся голосом:

— Постой... То есть ты удерживаешь его не из прихоти? Ему физически опасно покидать вершину?

— Хотел сперва докопаться до сути, дабы не сеять среди вас панику, да видно, не судьба, — Хэ Бугуй взмахом руки выпроводил слуг-марионеток из залы и наложил плотный барьер безмолвия. Лишь когда чары сомкнулись, он негромко спросил: — Вам знаком древний термин «Поглощение солнца»?

Бай Инчи ошеломленно моргнул:

— Одно из великих запретных искусств души? Разумеется, я знаю о нем.

— А-Кунь мертв, но его душа опутана этой техникой. Путь к перерождению для нее закрыт.

— И кто же наложил чары?

— Юй Уцюэ.

Когда Хэ Бугуй закончил рассказ, в зале воцарилась тяжелая тишина. Названные брат и сестра сидели потрясенные.

Бай Шуцзин побарабанила пальцами по столешнице и медленно произнесла:

— Эта проклятая техника расцвела пышным цветом при жизни первого великого мастера марионеток, Цзи Сюаня. Он подчинял себе живые души, чем навлек на себя гнев Небес и за что поплатился страшной гибелью. О происхождении Юй Уцюэ вы мне рассказывали, и все шестнадцать лет он рос обычным, пусть и шептунским мальчишкой. Но этот его сон... Описанные им картины в точности повторяют хроники о Городе Вечности. Схватить запретное знание прямо из сновидений — уж не сам ли Цзи Сюань вернулся в мир в его теле?

Бай Инчи задумчиво поскреб подбородок:

— Помнится, раньше наш младший брат яростно отвергал эту мысль, указывая на несовпадение меток. Но теперь... Теперь все выглядит куда менее однозначно.

Если отбросить загадочное родимое пятно и видения, Юй Уцюэ демонстрировал такое мастерство в создании кукол, равного которому мир не видывал уже много веков. За

исключением самого Хэ Бугуя, никто на свете не был способен изваять полноценное духовное ядро.

И если этот поразительный талант — не просто природный дар, а память крови и наследие прежней жизни, то узел завязывался слишком тугой.

— Слышал я, будто он сумел выплавить Золотое ядро еще в десятилетнем возрасте? — спросил Хэ Бугуй.

— Все так. И чистота костей, и божественная искра — природа отсыпала ему щедрой горстью, — подтвердил Бай Инчи. — Да только нрав у него бедовый, а прилежание хромает на обе ноги. Главы академий при виде этого сорванца крестились и запирали двери. Сестрица, ты ведь вела у него уроки владения мечом, расскажи, каков он на тренировках?

— Я еще тогда нашему старшему говорила, — усмехнулась Бай Шуцзин. — Юй Уцюэ, к его чести, уроки не прогуливал. Да только сам за оружие браться ленился. Запоминал связки и тут же переносил их схемы в память марионеток. Дошло до смешного: его деревянные куклы в фехтовании превзошли собственного создателя!

Бай Шуцзин, несмотря на свой статус Бессмертной, никогда не кичилась величием. Она лично преподавала в Академии меча, щедро делясь мастерством с каждым достойным учеником, и Юй Уцюэ когда-то постигал азы именно под ее руководством.

— Кабы он хоть на йоту умерил свой пыл к марионеткам и направил силы в иное русло, с его способностями он бы весь мир заставил говорить о себе, — покачала головой женщина. — Да только увы...

Бай Инчи сочувственно вздохнул:

— Этому оболтусу действительно ничего, кроме его щепок и шестеренок, не мило. Знаешь, братец, а ведь вы с ним в детстве похожи как две капли воды.

— С чего бы вдруг? — фыркнул Хэ Бугуй. — Разве я рос таким же несносным крикуном? К тому же он в десять лет уже хвастался Золотым ядром, а у меня его никогда не было.

Поняв, что задел старую рану, Бай Инчи поспешил сгладить неловкость:

— Ну и пусть не было, велика потеря! Словно тебе для величия нужно какое-то ядро. Да пусть другие хоть десяток этих ядер вырастят, им вовек не одолеть твоих любимцев, Лу и Ба. Так что не бери в голову.

"У кого в теле может уместиться десяток ядер? Братец, твоим рассказням не хватает элементарной логики", — мысленно вздохнул Хэ Бугуй, но вслух твердо произнес:

— Давай без глупостей. Дело куда тоньше, чем кажется. Того зверя определенно кто-то околдовал, и я уже отправил поисковых марионеток на разведку.

А-Кунь всегда отличался тихим и даже пугливым нравом. Забреди кто случайно в его владения на Горе Алого Золота, он бы поспешил укрыться в пещере, но уж точно не стал бы бросаться на людей. Однако и выжившие ученики, и сам Юй Уцюэ в один голос твердили: зверь напал первым и дрался яростно. Более того, когда Хэ Бугуй извлекал из его желудка обломки марионеток, он ясно видел сожженное докрасна горло. А-Кунь изрыгал лаву без остановки, он жаждал крови.

А когда его дух не смог покинуть этот мир, Хэ Бугуй нашел на тонком теле зверя неопровержимые улики.

— Его разум затуманили «Мутной луной», — произнес Хэ Бугуй.

— Ты уверен?

При этих словах благодушный вид Бай Инчи мгновенно испарился. Его лицо посуровело.

Бай Шуцзин, заметив эту резкую перемену, обеспокоенно спросила:

— «Мутная луна» ведь числится среди табуированных искусств, но в старинных манускриптах о ней нет никаких подробностей, кроме названия. Что это за техника?

— В свитках о ней не пишут, поскольку секрет ее применения был утерян много веков назад, — пояснил Бай Инчи. — Я и сам знаю о ней лишь со слов Хэ Наня.

В древности существовали три запретных искусства управления душами. Первое — «Поглощение солнца» — выжигало на духе несмываемое клеймо, навеки закрывая путь к перерождению. Второе — «Мутная луна» — до основания вымывало личность, позволяя подчинять чужую волю и переписывать память по своему усмотрению. Третье же — «Сияющая звезда» — способно было латать истонченные призрачные оболочки, собирая воедино растерзанные осколки сознания, дабы использовать их как топливо или основу для сотворения новых, куда более могущественных сущностей.

Именно эти запретные учения некогда вдохнули подобие жизни в грозную армию марионеток Города Вечности. Но создателем этих жутких методов был вовсе не сам Цзи Сюань, а его поверженный враг — Чи Ю, Повелитель войны из Диких земель.

Тот возвысился благодаря магии душ и от нее же пал, в итоге разделив участь собственных жертв: великий воин оказался навеки пленен Цзи Сюанем, пополнив ряды его безмолвной армии кукол.

Когда объединенное воинство заклинателей осадило Город Вечности, Цзи Сюань запечатал врата ценой собственной жизни, похоронив под руинами и свои тайны. С тех пор эти искусства считались канувшими в лету.

Но теперь, когда опасное наследие вновь прорастает сквозь века, впору затрепетать от страха. Восстал ли из мертвых сам Цзи Сюань, или некий безумец отыскал ключи к прошлому и нацелился на Город Бессмертия?

Бай Шуцзин, затаив дыхание ловившая каждое слово, растерянно спросила:

— Неужели и к этому причастен Юй Уцюэ?

— Кишка у него тонка, — покачал головой Хэ Бугуй. — Он основы «Поглощения солнца»-то едва нащупал. С его нынешними силами и скудным опытом обуздать «Мутную луну» физически невозможно. К тому же радиус действия у этих чар огромен, так что мы пока не знаем, метили ли именно в А-Куня, или несчастный зверь просто попал под удар.

— Так вот почему ты запер его во дворце, — осенило Бай Инчи. — Думаешь, таинственный куковод пытается отыскать Юй Уцюэ, настраиваясь на резонанс его души?

— Не знаю наверняка. Но идет ли охота за мальчишкой, или заговорщики преследуют иные цели, этот некто явно связан с Городом Бессмертия. А уж что за тварь томится в его подземельях, мы все прекрасно помним. Оплошность тут недопустима.

Бай Инчи нахмурился:

— Собрание начнется со дня на день, на гору хлынут толпы чужаков. Под шумок любой лазутчик просочится без труда. Дело принимает скверный оборот, но поднимать тревогу раньше времени нельзя. Твоя придумка с суровым наказанием — идеальный щит. И парня уберег, и подозрений не вызвал.

— Я отдам приказ тайно прочесать склоны и удвоить караулы, — подала голос Бай Шуцзин. — Но извержение Горы Алого Золота может начаться в любой момент. Братец, тебе не обязательно тащить эту ношу в одиночку. Я помогу...

— Не стоит, — Хэ Бугуй оборвал ее на полуслове, и в глубине его глаз на миг промелькнула застарелая тоска. — Пусть у меня и нет Золотого ядра, но укротить огонь я еще в силах. Занимайся своими делами.

— Наш младший знает, что делает, оставь это ему, — примирительно улыбнулся Бай Инчи.

Раз уж туман немного рассеялся, а покой Дворца Небесного Предела охраняли сразу трое Бессмертных, за безопасность горы можно было не переживать. Вверяя судьбу Юй Уцюэ в руки

Хэ Бугуя, Бай Инчи был спокоен как никогда. Однако старые мысли навели его на одну весьма любопытную затею.

— Братец, у меня тут мысль родилась. Раз уж этот негодник все равно заперт у тебя во дворце, почему бы тебе не взять его в ученики?

"Что еще за вздор? — мысленно возмутился Хэ Бугуй. — Если тащить в ученики каждого, кто попался под горячую руку, мой дворец давно превратился бы в шумный балаган".

Ответ его был короток и сух:

— Исключено.

— Да ты послушай мои доводы, — не унимался Бай Инчи. — Во-первых, парень чертовски одарен в марионеточном деле, и эта его слепая страсть к ремеслу в ущерб всему остальному — вылитый ты в юности. Во-вторых, помнишь, как Я Ин уверяла, будто между вами есть некая невидимая связь? Быть может, сама судьба предначертала вам этот союз?

— Мне не нужны ученики, — упрямо повторил Хэ Бугуй.

Бай Инчи пропустил протест мимо ушей и увлеченно продолжил:

— К дикому жеребцу нужен особый подход. На всей горе только тебе под силу обуздать этого упряма. Скоро начнется Собрание на Облачной Вершине, где Бессмертные будут выбирать себе преемников. Ты испокон веков держался в стороне от этой суеты, так почему бы не нарушить традицию ради одного исключительного юноши?

Два опаснейших запретных искусства разом вернулись в мир из небытия. Любой другой заклинатель на их месте уже давно лишился бы сна, лихорадочно пытаясь докопаться до истины.

Бай Инчи же с поразительным легкомыслием рассуждал о такой мелочи, как выбор ученика. Однако Хэ Бугуй прекрасно понимал: старший брат делал это не из глупости. Он просто не хотел, чтобы младший погряз в мрачных мыслях и чувстве вины.

И все же Хэ Бугуй вновь покачал головой:

— С моим-то увечным телом... Чему я смогу его обучить?

— Полно тебе, выслушай сначала, — Бай Инчи на секунду примолк, и его голос зазвучал мягко, с легкой грустью: — Я ведь вижу, что в этих огромных стенах ты вечно один. Сердце кровью обливается. Вниз ты спускаться не желаешь, пройдет время — и тебе даже словом

перемолвиться будет не с кем. После того как старейшина Сюаньцзи покинул орден ради странствий, ты и вовсе заперся от людей. Если в один прекрасный день нас с твоей сестрой призовут Небеса... Кто останется подле тебя? Кто позаботится о тебе?

Обретение Дао и вознесение на Небеса для любого заклинателя — венец пути и величайшая награда.

Но для Хэ Бугуя этот путь был отрезан раз и навсегда. И брат, и сестра прекрасно знали: когда их земной срок иссякнет и они уйдут за грань, Хэ Бугуй останется в этом мире один-одинешенек. Ему суждено было влачить безрадостное, бесконечное существование среди смертных — без надежды на конец.

Но разве можно переписать судьбу, просто приставив к нему навязанного попутчика?

Если финал заведомо известен и ему все равно суждено остаться ни с чем, к чему плодить напрасные надежды? Хэ Бугуй не раз говорил им об этом. Когда судьба свела его с названными братом и сестрой, он был слишком мал и наивен, чтобы защитить свое сердце. Будь он тогда мудрее, он бы не позволил невидимым нитям привязанности опутать их души.

Даже легкое дуновение искренней заботы ранит сильнее меча, если знаешь, что потеря неизбежна. Хэ Бугуй не хотел копить долги чувств, которые никогда не сможет вернуть.

— Не нужно, — Хэ Бугуй опустил взгляд, задумчиво оглаживая пальцами теплый бок чайной чашки. — Вознесение — великое благо, так что стремитесь к нему изо всех сил. А обо мне не кручиньтесь.

У Бай Инчи тоскливо сжалось сердце. Он негромко позвал брата по детскому имени: «Сяо Си», но слова застряли в горле.

Хэ Бугуй лишь безмятежно улыбнулся:

— Одному мне и впрямь лучше.

— Ну полно, раз не хочет — не надо. Братец, не неволь его, — Бай Шуцзин мягко обошла чайный столик и, совсем как в детстве, ласково взъерошила волосы на макушке Хэ Бугуя. — Пусть все идет своим чередом. Тайну «Мутной луны» мы с братом разузнаем без лишнего шума, а как появятся ниточки — решим, что делать дальше. Юй Уцюэ пускай пока побудет в Парящем дворце, а дальше сам разберешься, как с ним поступить. Идет?

Хэ Бугуй слегка откинулся назад, доверчиво прильнув затылком к теплой ладони сестры. На его губах наконец расцвела искренняя, мягкая улыбка.

— Идет, — лениво отозвался он.

<http://bllate.org/book/20165/2131186>